

Д. Н. Замятин

ГЕТЕРОТЕКСТУАЛЬНОСТЬ И СОПРОСТРАНСТВЕННОСТЬ:
ОТ СЕМИОТИКИ ГОРОДА К ТРАНССЕМИОТИКЕ ПОСТГОРОДА

doi: 10.30759/1728-9718-2021-1(70)-70-79

УДК 82

ББК 83

Художественные тексты могут рассматриваться как наиболее притягательный исследовательский материал для анализа ключевых особенностей как семиотики города в целом, так и семиотики отдельных городов, которым посвящено множество художественных произведений. Городское пространство модерна в результате процессов мощной семиотизации можно рассматривать как одновременно текстуальное и интертекстуальное. Интертекстуальность городских пространств модерна предполагает своего рода совокупности «плавающих» топологических означающих текстов, в той или иной степени соответствующих подобным же совокупностям «плавающих» топологических знаков. В традиционной семиотике города предполагается существование двух реальностей — действительной реальности и реальности семиотической, между которыми можно наблюдать четкие логические соответствия и/или соотношения. Появление в начале XX в. неклассических/постклассических городских нарративов, ориентированных на проблемы дискommunikации, стало одним из важных признаков первичного формирования феноменов постгорода и постурбанизма. Постгород не является текстом и не может рассматриваться как текст; в то же время он может порождать отдельные тексты, никак не связанные между собой. Постгородские тексты, являющиеся коммуникативными результатами конкретных сопространственностей, остаются локальными вспышками, не образующими единого текста или же метатекста (сверхтекста). Гетеротекстуальность — это феномен постгородской реальности, для которого характерно сосуществование, как правило, не коррелирующих друг с другом текстов, относящихся к тем или иным устойчивым городским локусам. Под транссемиотикой в общем смысле понимается изучение каких-либо текстов, предполагающих в процессе означивания создание знаково-символических разрывов или пробелов с любыми другими потенциально возможными коррелирующими текстами. Транссемиотики постгорода — это исследования (художественных) текстов, предполагающих в процессе означивания каких-либо городских локусов создание знаково-символических разрывов или пробелов с любыми другими потенциально возможными коррелирующими текстами, имеющими отношение к тому или иному городскому локусу. Гетеротекстуальность постгорода может рассматриваться как сопространственность взаимоисключающих текстов, соответствующих «не видящим» друг друга постгородским локусам. Постгородские транссемиотики по ходу своего развития формируют своего рода темные зоны, отторгающие или нейтрализующие любую попытку семиотической интерпретации.

Ключевые слова: *семиотика города, художественные тексты, художественно-географические образы, постгород, транссемиотика, транссемиотика постгорода, гетеротекстуальность, сопространственность, постгородский текст*

Введение

Семиотика города — хорошо развитая междисциплинарная гуманитарно-научная область, обязанная своим интенсивным развитием в последние 50–60 лет филологам, культурологам, архитекторам, географам, историкам, философам, антропологам, социологам.¹ Несмотря

на то что сама семиотика является предметом взаимодействия очень разных по генезису и содержанию научных концепций, ее проблемное поле довольно устойчиво и позволяет говорить о целом междисциплинарном кластере гуманитарно-научных направлений. Семиотика города — как в силу нарастающего интереса

¹ Здесь мы не упоминаем классических работ У. Эко, Ю. М. Лотмана, В. Н. Топорова, ставших «азбукой» городской семиотики, а обращаем внимание на исследования последнего времени.

Замятин Дмитрий Николаевич — доктор культурологии, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
E-mail: dzamyatin@hse.ru

Тем не менее стоит упомянуть о книге, которая, на наш взгляд, пока слабо используется в современных российских трудах по данной теме: Барт Р. Империя знаков. М., 2004. См. также: Турома С. Семиотика городского пространства Ю. М. Лотмана: опыт переосмысления // Новое литературное обозрение. 2009. № 4 (98). С. 66–76; Аванесов С. С. Городское пространство как антропологический феномен // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2018. № 2 (16). С. 10–31; Edwards C. Writing Rome: Textual Approaches to the City. Cambridge, 1996; Remm T. Understanding the city through its semiotic spatialities // Sign Systems Studies. 2011. Vol. 39, № 2/4. P. 124–143.

к проблемам урбанизма вообще, так и в силу относительной эффективности семиотических методов применительно к гуманитарно-урбанистическим штудиям — оказывается одной из «ядерных» областей семиотики вообще, ярко характеризующей специфику ее содержательных возможностей.

Исследования художественных текстов в рамках семиотики города — одна из ее наиболее важных сфер.² Именно данные тексты могут рассматриваться как наиболее притягательный исследовательский материал для анализа ключевых особенностей как семиотики города в целом, так и семиотики отдельных городов, которым посвящено множество произведений. Художественно-географические образы и художественные ландшафты городов могут концентрировать в себе — явно или неявно — наиболее существенные знаки урбанизма как такового и его локальных феноменов.

*Городское пространство модерна:
текст и интертекст города*

Урбанизм эпохи модерна был питательным источником для многих известных художественных текстов. Крупные города становились естественной ареной художественного действия, знаки города становились знаками судьбы не только для героев произведений, но и для второстепенных художественных персонажей. Литература эпохи модерна во многом может характеризоваться как преимущественно урбанистическая.³ В то же время уже с первой половины XIX в. начинает формироваться то, что позднее было названо текстом города: наиболее известные крупные города становятся местом действия многих художественных произведений, при этом в них могут фигурировать одни и те же локусы, приобретающие привычный спектр наиболее часто встречающихся значений.⁴ Большие столичные города «обладают» теперь массивом соответствующих репрезентативных художественных текстов, фрагменты которых попадают уже и в туристические справочники и путеводители. Большой город становится большим обобщенным текстом — «текстом-пазлом», собираю-

щимся из знаковых фрагментов зачастую совершенно различных произведений.

Городское пространство модерна в результате процессов мощной семиотизации можно рассматривать как одновременно текстуальное и интертекстуальное:⁵ процедуры означивания тех или иных локусов на основе конкретных художественных текстов всегда могут означать параллельные коррелирующие процедуры, ориентированные на некоторые смещения уже найденных значений в других референтных текстах. Интертекстуальность городских пространств модерна предполагает своего рода совокупности «плавающих» топологических означивающих текстов, в той или иной степени соответствующих подобным же совокупностям «плавающих» топологических знаков.⁶ Таким образом, урбанистическая репрезентативность художественных текстов модерна прямо связана с «плавающим» полем их возможных интерпретаций; в свою очередь, всякая топологическая репрезентация такого текста является контингентной, даже если в нем фигурируют хорошо известные топонимы — любое означивание фиксирует «здесь-и-сейчас» локальную вариативность и актуальное наличие топологической альтернативы.

*Городской нарратив позднего модерна
и формирование феномена постгорода*

Между тем традиционные, сложившиеся в эпоху позднего модерна семиотические подходы к изучению города предполагают, как правило, использование аристотелевской логики. Уже ставшие привычными формулировки вроде «Петербургский текст русской литературы» или «Пермь как текст» (количество подобных формулировок быстро растет — в зависимости от количества активных исследователей городских текстов и наличия самих текстов, имеющих хотя бы косвенное отношение к тому или иному городскому локусу) означают, что практически любой художественный текст,

⁵ См.: Абашев В. В. Пастернаковский город Юрьянин: география, семиотика и прагматика романного образа // Вестн. ТГПУ. 2010. № 8 (98). С. 115–121. Понятие интертекстуальности, хорошо исследованное в общей семиотике, применимо с достаточно высокой степенью эффективности в исследованиях городских текстов.

⁶ В качестве показательного примера можно привести известный роман французского писателя Ф. Соллерса «Драма», в котором типологические городские локусы (порт, шоссе, улица, центр, предместье) оказываются неустойчивыми, подвижными маркерами «плавающих» интертекстуальных семиотических узлов, обозначающих в то же время постоянно меняющиеся процедуры диалога автора-героя с самим собой.

² См.: Шмидт Н. В. Городской текст в поэзии русского модернизма: автореф. ... канд. филол. наук. М., 2007; Шафранская Э. Ф. Ташкентский текст в русской культуре. М., 2010.

³ См.: Бурого Е. Г. Семиотика города: Киев как текст культуры // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 2. С. 35–40.

⁴ См.: Меднис Н. Е. Венеция в русской литературе. Новосибирск, 1999.

где упоминается какой-либо реальный городской топоним или же используется вымышленный топоним с очевидными аллюзиями на известный город, может рассматриваться как «городской» в контексте аристотелевских силлогизмов. Такая же логика может действовать и в случае оперирования исследователями понятием метатекста — например, «Уральский метатекст русской литературы».⁷ Даже выявляемые в некоторых художественных текстах содержательно-ситуативные и топонимические контаминации различных городских пространств не изменяют базовую онтологию подобного семиозиса: предполагается существование двух реальностей — действительной реальности и реальности семиотической, между которыми можно наблюдать четкие логические соответствия и/или соотношения.

Большой город модерна, чей образ во многом сформировался к началу XX в. как амбивалентный в коммуникативном отношении (обилие всех и всяческих коммуникаций и в то же время нарастающая проблема отчуждения — город становился пространством чужих друг другу людей),⁸ стал «благодатным источником» множества художественных текстов, часть которых репрезентировала не только классические городские нарративы, но и нарративы несколько иные — ориентированные на проблему городского отчуждения и в итоге на разрушение самого нарратива. Именно появление таких неклассических или постклассических городских нарративов стало одним из важных признаков первичного формирования феноменов постгорода и постурбанизма.⁹

⁷ См.: Симоненко М. А. Город в парадигме гипертекстуальности // Уч. зап. Электрон. науч. журн. Курск. гос. ун-та. 2013. № 2 (26). С. 162–166.

⁸ См.: Замятин Д. Н. Постгород: пространство и онтологические модели воображения // Полис. Политические исследования. 2018. № 3. С. 147–165.

⁹ На наш взгляд, это заметно уже в парижском романе Г. Миллера «Тропик Рака» (1934), а в антиромане Х. Кортасара «Игра в классики» (1963) постклассический городской нарратив является, по сути, доминирующей онтологией. Безусловно, этот нарратив был хорошо разработан в новом французском романе — прежде всего в романах А. Роб-Грийе (особенно в «Революции в Нью-Йорке», 1970); к ним примыкают тексты Ф. Соллерса. Во французской литературе среди последователей Роб-Грийе можно выделить в этом отношении Ж.-Ф. Туссена (серия маленьких романов «Фотоаппарат», «Маленькая комната», «Телевидение», написанных в 1980–1990-х гг.). В начале XXI в. появляются романы А. Володина и М. Уэльбека: при всем различии этих писателей их нарративы обладают базовыми постгородскими признаками (роман Уэльбека «Карта и территория» в этом смысле наиболее показателен). Для франкоязычного постгородского нарратива большую роль сыграла также проза М. Бланшо, для которой характерны мотивы коммуникативного отчуждения

Город с течением времени перестал восприниматься как некое огромное коммуникативное единство; его постепенно сменяет постгород, в рамках которого уже нет единого городского пространства и соответствующих ему ключевых текстов и нарративов — это скорее локальные ситуативные событийности, или, иначе, сопостранственности, определяющие сосуществующие, но отнюдь не связанные между собой события.

Постгородские тексты: проблема гетеротекстуальности

Понятие сопостранственности — основное для нашего понимания феномена постурбанизма — позволяет по-другому представить проблему семиотики города и, соответственно, городских текстов.¹⁰ Постгородское пространство не формируется как некая протяженная континуальность — в том числе и текстуальная (интертекстуальная); это контингентная совокупность дискретных сопостранственностей, не становящихся полем так или иначе связанных между собой текстов. Постгород не является текстом и не может рассматриваться как текст; в то же время он может порождать отдельные тексты, никак не связанные между собой. Постгородские тексты, являющиеся коммуникативными результатами конкретных сопостранственностей, остаются локальными вспышками, не образующими единого текста или же метатекста (сверхтекста).¹¹

В этой методологической ситуации следует говорить о другой, нетрадиционной семиотике, оперирующей несколькими иными понятиями и методическим инструментарием. На

и частые транссемиотические разрывы в ткани локальных повествований. В немецкоязычной традиции к ранним опытам постгородского нарратива можно отнести роман швейцарского писателя П. Низона «Canto» (1963), более поздние репрезентации такого нарратива связаны с именами П. Хандке (преимущественно произведения 1970-х гг.) и В. Г. Зебальда (прежде всего роман «Аустерлиц», 2001). В современной русской литературе постгородской нарратив, появившийся позднее, чем в западной литературе, характерен для прозаических произведений А. Драгомощенко и В. Иванова, в более широком контексте — для рассказов и эссе Ш. Абдуллаева. В целом о системном появлении кластера постгородских текстов можно говорить начиная с 1970–1980-х гг.

¹⁰ См.: Замятин Д. Н. Новые онтологии пространства: пространственность, сопостранственность и геоспациализм // Человек. 2011. № 6. С. 70–82.

¹¹ В качестве примера можно привести прозаические произведения российского писателя В. Иванова, в которых фрагменты текста, относящиеся к тому или иному городскому локусу, оказываются связанными лишь сопостранственно: континуальность нарратива распадается в результате отрицания какой-либо связности городской ткани (см., например, поэмный сборник писателя «Конец покормаря», 2017).

наш взгляд, семиотика постгорода и постурбанизма нуждается во введении в понятийный контекст нового концепта — концепта гетеротекстуальности.¹² В семиотическом плане (пост)городская реальность не может быть адекватно описана или же охарактеризована некоторой совокупностью или множеством соответствующих художественных текстов, так или иначе коррелирующих — содержательно и/или знаково-символически — друг с другом. Гетеротекстуальность — это феномен постгородской реальности, для которого характерно сосуществование, как правило, не коррелирующих друг с другом текстов, относящихся к тем или иным устойчивым городским локусам. Наряду с этим, к гетеротекстуальности можно отнести и случаи создания единичных, уникальных локальных текстов, формирующих, соответственно, новые локусы, не «подтверждаемые», однако, созданием каких-либо последующих текстов, имеющих к ним отношение. Иначе говоря, под гетеротекстуальностью в постгородском контексте можно понимать сопостранственность конкретного локуса и соответствующего ему текста, нейтрализующую или разрушающую любую коммуникативную возможность формирования единого знаково-символического поля, объединяющего городское пространство.¹³

*От общей транссемиотики
к транссемиотикам
постгорода: множественность
сопространственностей-текстов*

Естественно, что исследование подобных нетрадиционных феноменов нуждается в определении новой проблемной области. Не отрицая базовой семиотической онтологии, следует, с нашей точки зрения, пересмотреть проблемные постановки взаимодействия знака, означаемого и означающего. С этой целью предлагается новое название — транссемиотика или — во множественном числе — транссемиотики.¹⁴ Применительно к постгородским

исследованиям мы можем говорить здесь о транссемиотиках постгорода/постурбанизма. Под транссемиотикой в общем смысле понимается изучение каких-либо текстов, предполагающих в процессе означивания создание знаково-символических разрывов или пробелов с любыми другими потенциально возможными коррелирующими текстами. Таким образом, непосредственным предметом исследования в транссемиотике является процесс семиотического разрыва и сама процедура означивания подобного разрыва (ситуация негативного означивания). На наш взгляд, в методологическом смысле предпочтительнее говорить о бесконечном множестве транссемиотик, поскольку каждый семиотический разрыв уникален в силу уникальности самого текста, заранее предполагающего невозможность выстраивания какого-либо общего семиотического поля.

Исходя из общего определения транссемиотики, можно попытаться дать в первом приближении и определение транссемиотик постгорода. Под транссемиотиками постгорода здесь понимаются исследования (художественных) текстов, предполагающих в процессе означивания каких-либо городских локусов создание знаково-символических разрывов или пробелов с любыми другими потенциально возможными коррелирующими текстами, имеющими отношение к тому или иному городскому локусу. Таким образом, всякий городской локус становится постгородским в процессе семиотически-онтологической негации (негативизации), нейтрализующей или разрушающей любые возможности формирования сетевого городского пространства, имеющего четко репрезентированные теми или иными текстами городские локусы. В то же время всякий постгородской локус, «обладающий» соответствующим локальным текстом, может формировать свою сопостранственность, фиксирующую как ситуацию знаково-символического разрыва с другими возможными постгородскими локусами (проще говоря, их существование не постулируется), так и ситуацию дальнейшего динамического расхождения со всеми иными способными возникнуть

¹² См.: Замятин Д. Н. Постгород (II): картографии воображения и политики сопостранственности // Социологическое обозрение. 2019. Т. 18. № 1. С. 20, 21.

¹³ Так, в романе А. Роб-Грийе «Революция в Нью-Йорке» один и тот же городской локус порождает совершенно различные нарративы, нарушая ритмы традиционной наррации и делая невозможным конструирование единого семиотического пространства; событийность и сопостранственность такого локуса становятся множественными, каждый раз противоречащими предыдущей попытке описания.

¹⁴ См.: Рыбаков В. В. Герменевтика и транссемиотический опыт // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2016. Т. 5, № 6А. С. 50–62; Ронжина Я. Н. Транссемиотиче-

ские процессы в семиопространстве // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф. Челябинск, 2016. С. 348–351; Lotringer S. Trans-Semiotic Analysis: Shaggy Codes // The Drama Review: TDR. 1978. Vol. 22, № 3, Analysis Issue (Sep., 1978). P. 87–94; Torop P. Cultural Semiotics // The Routledge Handbook of Language and Culture. London; New York, 2015. P. 170–181.

в том же месте сопостранственностями. Говоря другими словами, мы имеем дело со своего рода Большим взрывом и с постоянно ускоряющимся разбеганием вселенных, наблюдаемым из точки в нашей вселенной.

Если продолжить эту астрономическую аналогию, то всякую вновь возникающую из конкретной сопостранственности постгородскую транссемиотику можно уподобить отдельной вселенной, разом меняющей всю знаково-символическую картину постгорода. В данном смысле постгород представляет собой расширяющуюся фрагментированную разновременную множественность сопостранственностей-текстов, не сопоставимых между собой и создающих параллельно друг другу невидимые транссемиотические структуры-миры.¹⁵ Гетеротекстуальность постгорода может рассматриваться как сопостранственность взаимоисключающих текстов, соответствующих «не видящим» друг друга постгородским локусам.

Транссемиотический анализ постгородских текстов: ключевые особенности

Как предварительно может быть описан транссемиотический анализ постгородских текстов, в чем его специфика? Прежде чем попытаться ответить на эти вопросы, следует дать определение постгородского текста. Постгородской текст — это любой текст, репрезентирующий тот или иной городской локус как постгородской; процедуры означивания в рамках такого текста ведут, как правило, к созданию очередной локальной постгородской картины мира, не предполагающей никаких других подобных. В то же время всякий постгородской текст в процессе своего транссемиотического функционирования предполагает существование параллельных постгородских текстов, в свою очередь, создающих свои локальные вселенные.¹⁶ Таким образом, в онто-

логическом контексте постгородские тексты характеризуются очевидной амбивалентностью: отрицая (или не предполагая) друг друга, они формируют семиотические предпосылки для своего собственного отрицания за счет параллельного существования иных текстов, возникающих как бы автоматически вследствие наглядно декларируемого тотального знаково-символического разрыва с традиционным сетевым пространством (вспомним еще раз аналогию с концепцией Большого взрыва в астрономии).¹⁷

Как происходит становление постгородского текста в ходе формирования знаково-символического разрыва со всеми возможными со-присутствующими (со-путствующими) текстами? Всякий вновь возникающий постгородской текст как бы вырезает, удаляет соответствующий ему городской локус из потенциально континуального семиотического пространства города и перемещает, переводит его в онтологический статус тождественного самому себе. Такой текст-локус является саморасширяющимся автономным семиотическим пространством (отдельной вселенной), гипостазирующим собственные означивающие параметры как символ разрыва со всеми возможными параллельными городскими текстами — как соответствующими данному локусу, так и не соответствующими ему.¹⁸ Ситуация подобного знаково-символического разрыва может рассматриваться как своего рода онтологическая гарантия расширения конкретного постгородского текста и в то же время его ускоряющегося отдаления от каких-либо вероятных

дерса («Страх вратаря перед одиннадцатиметровым», «Алиса в городах», «Ложное движение», «Париж, Техас», «Небо над Берлином» — часть их снята по сценариям Хандке, иногда в соавторстве с Вендерсом), чьи феноменологические интенции можно обозначить как постгородские. Условным последователем Хандке в современной польской литературе можно назвать А. Стасюка (в этом контексте особенно выделяется его повесть «Дукля», 1997).

¹⁵ Например, для романов А. Драгомощенко «Фосфор» (1991, авторская редакция — 2000-е гг.) и «Китайское солнце» (1997) характерна фрагментарность событий и ситуаций, чья сопостранственность формирует множественность расходящихся автономных текстов, образующих семиотические островки-галактики, никак прямо не связанные; различные метаописания и рефлексии, включенные автором в эти романы, позволяют четко зафиксировать те или иные транссемиотические разрывы.

¹⁶ Такой двойной ряд параллельных автономных текстов характерен, в частности, для повестей П. Хандке — особенно для «Страх вратаря перед одиннадцатиметровым» и «Короткое письмо к долгому прощанию». Зачастую они формируются с помощью локальных нарративов, своего рода флэшбеков, возникающих по ходу интенсивных перемещений героя или alter ego автора. Важно отметить также, что чуть позже создаются первые фильмы немецкого кинорежиссера В. Вен-

¹⁷ В известной мере к постгородским текстам можно отнести многие произведения обериутов, особенно Д. Хармса, а также и С. Беккета (например, «Мерсье и Камье», «Как есть», «Недовидено недосказано»). В этих текстах часто могут отсутствовать какие-либо описания или характеристики городских локусов, однако практически постоянно нагнетается атмосфера абсурда, отчуждения, некоммуникабельности, являющаяся существенным признаком абсолютизации знаково-символических разрывов в теле самого текста — текст сам по себе как бы становится постгородской реальностью. Такие тексты, по-видимому, лучше назвать протопостгородскими, как исходя из времени их создания, так и ориентируясь на творческие интуиции их авторов.

¹⁸ См., напр., рассказ английского писателя-фантаста Дж. Балларда «Безвыходный город», в котором очевидная фрактальность бесконечного города оказывается онтологическим типиком практически для любого его района.

семиотических коннотаций, корреляций или сближений в рамках традиционного поля городских текстов.

В процессе автономного семиотического гипостаживания постгородской текст не просто расширяется, придавая определенному локусу не свойственные ему ранее значения, но также в значительной мере трансформируется, «транссемиотизируется», становясь текстом уже множества дробящихся, фрагментированных локусов, чье существование можно интерпретировать как прямое следствие углубляющегося знаково-символического разрыва.¹⁹ Такой текст порождает множество последовательных параллельных семиотик, причем каждая подобная семиотика онтологически фиксирует очередную фазу отдаления от привычной семиотики города модерна. Иначе говоря, если традиционная семиотика городских художественных текстов — в том виде, в каком она сложилась уже к 1970–1980-м гг. — оперирует понятием городского воображения в тесной связи с соответствующими четко очерченными городскими локусами (даже в случае описания вымышленных городов — пусть и имеющих в большинстве своем реальные прототипы), то постгородские транссемиотики порождают, как правило, все более и более дистанцированные от какой-либо реальной топографической событийности новые постгородские локусы, как бы зачеркивающие любые возможные знаковые корреляции в семиотических пространствах реально существующих городов.²⁰

*Постгородские гетеротекстуальности:
темные зоны и неравновесная
транссемиотическая «термодинамика»*

Исходя из этого предварительного описания, можно попытаться более подробно охарактеризовать феномен гетеротекстуальности и сопостранственности в контексте постгородских транссемиотик. Постгородские

транссемиотики в процессе своего развития ведут к постоянно усложняющейся, нарастающей и наслаивающейся, но в то же время непрестанно перерабатываемой, «перелопачиваемой» стратификации текстов. Вернее, формирование всякого постгородского текста, как уже отмечалось ранее, является условием порождения любого другого альтернативного текста, как бы пересоздающего исходный городской локус во все увеличивающемся множестве новых локусов-текстов. Таким образом, само понятие текстовой стратификации становится достаточно условным, поскольку каждый новый постгородской текст претендует на пересоздание такой стратификации. Наряду с этим подобные текстовые стратификации в традиционном смысле оказываются уже невозможными — их сменяют множачиеся автономные постгородские картографии воображения,²¹ как бы просвечивающие сквозь друг друга, но не сопоставимые прямо. Другими словами, постгородская гетеротекстуальность может быть определена как постоянно увеличивающаяся не фиксируемая точно совокупность сопостранственных текстов с взаимно негативными автономными семиотиками, формирующими отдельные нечеткие («расплывающиеся», «облачные») картографии воображения.²²

Постгородские транссемиотики по ходу своего развития формируют своего рода темные зоны, отторгающие или нейтрализующие любую попытку какой-либо семиотической интерпретации. Возникновение таких темных зон является следствием экспансии знаково-символических разрывов в постгородской ткани. Если сами знаково-символические разрывы еще можно трактовать семиотически — хотя бы и негативно — то постгородские темные зоны находятся вне всяких возможных семиотик; это территории, чьи онтологии не предполагают локально привязанных или же дистанционных

¹⁹ Такое «меланхолическое» дробление мелких локальных событийностей можно увидеть в романе В. Г. Зебальде «Аустерлиц» (2001), когда каждое вновь происходящее событие, действие, воспоминание разрывает прежние знаковые коннотации и создает ситуацию еще большей онтологической запутанности; внешняя сюжетная канва оказывается практически бессмысленной на фоне постоянных переоформлений и трансформаций локальных семиотических конвенций.

²⁰ Подобная ситуация хорошо показана в романе американского писателя П. Остера «Стеклоград» (1981–1982), в котором главный герой, передвигаясь по Нью-Йорку, описывает такие постгородские локусы и постепенно дистанцируется от любой топографической событийности.

²¹ См.: Замятин Д. Н. Постгород (II): картографии воображения... С. 9–35.

²² В этом смысле достаточно показателен роман М. Уэльбека «Карта и территория» (2010), герой которого, художник, формирует свою творческую биографию как цепь фактически никак не связанных между собой сопостранственных текстов, как бы отрицающих друг друга. Характерно, что первый серьезный профессиональный успех героя связан с художественным фотографированием карт из известной серии региональных путеводителей: фотография карты в данном случае позволяет зрителю/читателю дистанцироваться от прикладной семиотики конкретного картографического изображения и разрабатывать собственные картографии воображения с иными семиотическими правилами.

знаковых артикуляций (астрономический аналог подобных территорий — черные дыры).²³

По всей видимости, постгород в целом представляет собой расширяющийся пучок взаимно отдаляющихся транссемиотических пространств, между которыми формируются постоянно увеличивающиеся, мобильные темные зоны, меняющие свои трансфигурации, не поддающиеся (транс)семиотическому «просвечиванию», затягивающие в себя постгородские области нарастающих знаково-символических разрывов. Можно сказать, что постгородское пространство множится и множится, регулярно дробится, разделяется, течет, обладая неравновесной транссемиотической «термодинамикой» (по аналогии с теорией неравновесной термодинамики И. Пригожина). Вместе с тем темные нессемиотические зоны постгорода (постгородские «зоны невидимости») поддерживают и обеспечивают стабильную циркуляцию вновь возникающих транссемиотических пространств и — по существу — являются метарайонами, воспроизводящими и повторяющими как бы в обратной перспективе негативные онтологии постгородской экзистенции.

Постгородские геокультуры и трансформации гетеротекстуальности

Что происходит с постгородскими геокультурами²⁴ по мере развития транссемиотических пространств? Постгородские геокультуры, на наш взгляд, характеризуются в типологическом отношении четко выраженной гетеротекстуальностью; гетеротекстуальность — важнейший признак любой постгородской геокультуры. В то же время, будучи транслокальными, постгородские геокультуры могут репрезентировать себя феноменологически «скользящими» гетеротекстуальностями, как бы переходящими от одной геокультуры к другой и трансформирующимися в ходе все новых и новых репрезентаций. Другими словами, постгородской текст, сам по себе

уже «плавающий» с точки зрения его условной, относительной локализации (коль скоро и сам постгородской локус топографически относителен), начинает семиотически деформироваться, видоизменяться сквозь иную геокультурную призму, превращаясь, по сути, в другой текст в онтологическом плане.

Так или иначе, всякая геокультура может попадать в сферу действия или влияния совершенно различных транссемиотических пространств, заранее оказываясь локально фрагментированной и сохраняя лишь некоторую связность, последовательность, общую сетевую траекторию своих разнородных семиотических трансформаций. Здесь можно говорить также о трансформациях, онтологических и одновременно семиотических превращениях самих постгородских геокультур, становящихся иными, «инаковыми» в ходе радикальных переозначиваний тех или иных коннотативных текстов, причем и сами тексты могут меняться в процессе их транслокализации. В транссемиотическом контексте постгородская ситуация может описываться как контингентное взаимоотношение, пересечение, динамичная интерактивная встреча конкретной геокультуры с когерентными ей в данном пространственно-временном континууме текстами, транслокализирующими эту геокультуру и фактически переводящими ее в другое транссемиотическое пространство. Феноменологически такой процесс можно рассматривать как имманентный и трансцендентный одновременно: постгородская геокультура как бы заранее высвечивает тексты, уже присутствующие в ней в скрытом, латентном, эмбриональном виде, и в то же время эти тексты находятся в иной транссемиотической «галактике», притягивая и меняя тем самым как бы автоматически семиотическую трансфигурацию геокультуры.

Попадая в темные нессемиотические зоны, постгородские геокультуры становятся нелокальными;²⁵ их нелокальность репрезентируется в этом случае аннигиляцией, исчезновением гетеротекстуальности как онтологического атрибута транслокальности. Такое онтологическое «проваливание» геокультуры может свидетельствовать о своего рода «раз-землении»:²⁶

²³ В качестве примера здесь можно привести произведения современного французского писателя А. Володина, место действия большинства которых не обязательно связано с городом, однако их тексты с большой долей уверенности можно назвать постгородскими: в них мы постоянно сталкиваемся с темными зонами, где большая часть действий происходит за счет экспансии знаково-символических разрывов (например, «Малые ангелы: Наррацы», «Дондог», «С монахами-солдатами» (издан под псевдонимом «Лутц Бассман»)).

²⁴ См.: Замятин Д. Н. Постгород (II): картографии воображения... С. 19, 20.

²⁵ Понятие нелокальности здесь может мыслиться по аналогии с понятием квантовой нелокальности: Массер Д. Нелокальность: Феномен, меняющий представление о пространстве и времени, и его значение для черных дыр, Большого взрыва и теорий всего. М., 2018.

²⁶ Woodard B. On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy. Brooklyn; New York, 2013.

традиции, ритуалы, привычки, события, имеющие определенные, хотя и «плавающие», локальные зацепки и «якоря», начинают репрезентировать сами себя как некие универсальные и рассеянные сопостранственности, со-временные в любой точке воображаемой постгородской вселенной. Тем не менее подобная геокультура остается как бы привязанной к условной геосемиотической сфере, размещаясь и дистанцируясь по-прежнему в пределах земных онтологий, становящихся тотально постгородскими.

Гетеротекстуальные постгородские геокультуры, по сути дела, являются трансмедийными,²⁷ поскольку всякий транссемиотический/ транссемантический переход означает также онтологический разрыв, говорящий о принципиально иной медийности, включающей в себя как возможность присутствия любого другого текста, так и его отсутствие, пустотность, небытие. В то же время медийность отсутствия подтверждает сама себя постгородскими сопостранственностями, возникающими и формирующимися на знаково-символических и онтологических разрывах; такие сопостранственности рассматриваются как трансмедийные в силу их безусловной контингентности: любая вновь возникающая сопостранственность определяет соответствующую со-бытийность через иную онтологию медиа. В подобном контексте постгородская гетеротекстуальность оказывается фактически медиумом локальных геокультур, позволяя им образовывать феноменологические «складки времени», сигнализирующие наблюдателям из других городских «галактик» о последовательных медийных трансформациях и об очередных сдвигах в их транссемиотических стратификациях.

Dmitry N. Zamyatin

Doctor of Science in Culturology, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)

E-mail: dzamyatin@hse.ru

HETERO-TEXTUALITY AND CO-SPATIALITY:

FROM THE SEMIOTICS OF THE CITY TO THE TRANS-SEMIOTICS OF THE POST-CITY

Literary texts can be considered as the most attractive research material for analyzing the key features of both the semiotics of the city as a whole and the semiotics of individual cities, to which many works of art are devoted. The urban space of Modernity as a result of the processes

Итак, основные выводы исследования состоят в следующем:

1. Наряду с традиционной семиотикой города, сформировавшейся на основе детальных анализов художественных текстов преимущественно эпохи модерна, можно констатировать наличие нового нетрадиционного семиотического проблемного поля, связанного с концептами постгорода и постурбанизма; эту проблемную область можно назвать постгородскими транссемиотиками.

2. В отличие от собственно городской семиотики в ее универсальном базовом (онтологическом) смысле, постгородские транссемиотики являются принципиально множественными, формируя соответствующее бесконечное множество уникальных постгородских онтологий.

3. Ключевые концепты, важные для понимания специфики развития постгородских транссемиотик, — это гетеротекстуальность и сопостранственность; именно они определяют как существенные отличия постгородских транссемиотик от городской семиотики, так и важность знаково-символических и онтологических разрывов, создающих возможности для содержательного формирования альтернативных картографий воображения.

4. Благодаря гетеротекстуальности и сопостранственности, как своим неперемным онтологическим атрибутам, постгородские геокультуры развиваются прежде всего в трансмедийной плоскости, что означает их последовательную фрагментацию и фрактализацию в рамках процесса постгородской транслокализации.

²⁷ См.: Шакиров С. М. О трансмедийности // Медиасреда. 2017. № 12. С. 16–24; Bateman J. A. Triangulating transmediality: A multimodal semiotic framework relating media, modes and genres // Discourse, Context & Media. 2017. Vol. 20. P. 160–174.

of powerful semiotization can be considered as both textual and intertextual. The intertextuality of Modern urban spaces presupposes sets of “floating” topological signifiers corresponding to similar sets of “floating” topological signs. In the traditional semiotics of the city, the existence of two realities is assumed — the “real” reality and the “semiotic” reality, between which clear logical correspondences and/or relations can be observed and analyzed. The appearance of non-classical/post-classical urban narratives focused on the problems of dis-communication at the beginning of the 20th century became one of the important signs of the primary formation of the post-city and post-urbanism phenomena. The post-city is not a text and can not be regarded as a text; at the same time, it can generate separate texts that are not related to each other in any way. Post-urban texts, which are the communicative results of specific co-spatialities, remain local “flashes” that do not form a single text or meta-text (super-text). Hetero-textuality is a phenomenon of post-urban reality, which is characterized by the coexistence, as a rule, of texts that do not correlate with each other, relating to certain stable urban loci. Trans-semiotics in general context is understood as the study of any texts that involve the creation of sign-symbolic breaks or “gaps” with any other potentially possible correlating texts in the process of signification. Trans-semiotics of post-cities are studies of (literary) texts that involve the creation of sign-symbolic breaks or “gaps” with any other potentially possible correlating texts related to a particular urban locus in the process of signifying any urban loci. The post-city heterostructure can be considered as the co-spatiality of mutually exclusive texts corresponding to “non-seeing” post-city loci. Post-urban trans-semiotics in the course of their development form a kind of “dark zones” that reject or neutralize any attempt at any semiotic interpretation.

Keywords: *city semiotics, literary texts, literary and geographical images, post-city, trans-semiotics, post-city trans-semiotics, hetero-textuality, co-spatiality, post-urban text*

REFERENCES

- Abashev V. V. [Pasternak’s city of Yuryatin: geography, semiotics and pragmatics of novelistic image]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], 2010, no. 8 (98), pp. 115–121. (in Russ.).
- Avanesov S. S. [Urban space as anthropological phenomenon]. *Praksema. Problemy vizual’noy semiotiki* [Praxema. Journal of Visual Semiotics], 2018, no. 2 (16), pp. 10–31. DOI: 10.23951/2312-7899-2018-2-10-31 (in Russ.).
- Barthes R. *Imperiya znakov* [Empire of Signs]. Moscow: Praxis Publ., 2004. (in Russ.).
- Bateman J. A. Triangulating transmediality: A multimodal semiotic framework relating media, modes and genres. *Discourse, Context & Media*, 2017, vol. 20, pp. 160–174. DOI: 10.1016/j.dcm.2017.06.009 (in English).
- Burago E. G. [City semiotics: Kiev as a culture text]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya jazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], 2016, no. 2, pp. 35–40. (in Russ.).
- Edwards C. *Writing Rome: Textual Approaches to the City*. Cambridge: Cambridge University Press, 1996. (in English).
- Lotringer S. Trans-Semiotic Analysis: Shaggy Codes. *The Drama Review: TDR*, 1978, vol. 22, no. 3, pp. 87–94. (in English).
- Masser D. *Nelokal’nost’: Fenomen, menyayushchiy predstavleniye o prostranstve i vremeni, i yego znachenije dlya chernykh dyr, Bol’shogo vzryva i teorii vsego* [Nonlocality: A phenomenon that changes the concept of space and time, and its significance for Black Holes, the Big Bang and theories of everything]. Moscow: Alpina Publ., 2018. (in Russ.).
- Mednis N. E. *Venetsiya v russkoy literature* [Venice in Russian Literature]. Novosibirsk: NGPU Publ., 1999. (in Russ.).
- Remm T. Understanding the city through its semiotic spatialities. *Sign Systems Studies*, 2011, vol. 39, no. 2/4, pp. 124–143. DOI: 10.12697/SSS.2011.39.2-4.06 (in English).
- Rongina Ya. N. [Transsemiotic processes in semiospace]. *Slovo, vyskazyvanie, tekst v kognitivnom, pragmaticheskom i kul’turologicheskom aspektah: materialy VIII Mezhdunarodnoy nauch. konf.* [Word, utterance, text in cognitive, pragmatic and culturological aspects: materials of the 8th International Sci. Conf.]. Chelyabinsk: Encyclopedia Publ., 2016, pp. 348–351. (in Russ.).

- Rybakov V. V.** [Hermeneutics and transemiotic experience]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 2016, vol. 5, no. 6A, pp. 50–62. (in Russ.).
- Schmidt N. V.** *Gorodskoy tekst v poezii russkogo modernizma: avtoref. kand. diss.* [Urban text in the poetry of Russian Modernism: Abst. Diss. Cand.]. Moscow, 2007. (in Russ.).
- Shafranskaya E. F.** *Tashkentskiy tekst v russkoy kul'ture* [Tashkent Text in Russian Culture]. Moscow: Art-Khaus Media Publ., 2010. (in Russ.).
- Shakirov S. M.** [On transmediality]. *Mediasreda* [Media Environment], 2017, no. 12, pp. 16–24. (in Russ.).
- Simonenko M. A.** [The City within the paradigm of Hyper-textuality]. *Uchenyye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes: The online academic journal of Kursk State University], 2013, no. 2 (26), pp. 162–166. (in Russ.).
- Torop P.** Cultural Semiotics. *The Routledge Handbook of Language and Culture*. London; New York: Routledge, 2015, pp. 170–181. (in English).
- Turoma S.** [Yu. M. Lotman's semiotics of urban space: experience of reinterpretation]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2009, no. 4 (98), pp. 66–76. (in Russ.).
- Woodard B.** *On an Ungrounded Earth: Towards a New Geophilosophy*. Brooklyn; New York: Punctum books, 2013. (in English).
- Zamyatin D. N.** [Spatialness, co-spatialness, geo-spatialism: new ontologies of the space]. *Chelovek* [Human Being], 2011, no. 6, pp. 70–82. (in Russ.).
- Zamyatin D. N.** [Post-city: space and ontological models of imagination]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Polis. Political Studies], 2018, no. 3, pp. 147–165. DOI: 10.17976/jpps/2018.03.10 (in Russ.).
- Zamyatin D. N.** [Post-city (II): cartographies of imagination and co-spatiality politics]. *Sotsiologicheskoe obozrenie* [Russian Sociological Review], 2019, vol. 18, no. 1, pp. 9–35. (in Russ.).